Поздеев Андрей Геннадьевич 20.12.02

Открытие сибирского Матисса

О замечательном художнике Андрее Поздееве мир узнал благодаря его коллеге – Николаю Ткаченко

Независимая – 2002 – 20 дек – с 24

Виктор Леонидов

«Андрей Геннадьевич Поздеев не совершил той глупости, которую совершили большинство из нас. Он не повзрослел». Этими словами губернатор Красноярского края генерал Александр Лебедь открывал в здании Третьяковской галереи на Крымском мосту грандиозную выставку живописца Поздеева, которого к тому времени уже не было в живых. Нет и Александра Ивановича Лебедя.

Они не могли не сойтись. Оба были художниками и очень щедрыми людьми

А недавно ушел от нас тот, кто брал тогда слово вслед за покойным губернатором, и благодаря кому, собственно, состоялась эта выставка (как и другие экспозиции Поздеева), были изданы великолепный трехтомник «Мир Андрея Поздеева» и другие альбомы мастера. Тот, кто из Москвы возил художнику в Красноярск холсты, лекарства, краски и сделал все, чтобы о Поздееве узнал мир. Этот человек – художник, востоковед, медальер, искусствовед, издатель, блестящий знаток японского языка Николай Григорьевич Ткаченко.

Сам Поздеев, уроженец сибирского села Нижний Ингыш, хлебнувший в жизни горя столько, что хватило бы на несколько судеб, вряд ли ожидал такой славы. Хотя цену себе, конечно, знал.

Он погибал от голода, туберкулеза и энцефалита, он уцелел в 1945 г., когда воевал против Квантунской армии, он не умер в детской колонии, куда дважды попадал за бродяжничество. И все равно оставался большим ребенком, смотревшим на мир широко открытыми глазами.

Искусствоведы сравнивали его то с великим каталонцем Миро, то с австрийским художником Клее. В прессе то тут, то там мелькало: «Сибирский Матисс». Но этот худой, изможденный сибиряк не заканчивал никаких художественных университетов и писал так, как хотел. И нашел свою единственную дорогу задолго до того, как сумел познакомиться с шедеврами мировой живописи.

Его пытались прорабатывать, вернуть в лоно социалистического реализма, где он, правда, никогда и не был, но это оказалось бесполезным. «Я не был диссидентом», – говорил Андрей Геннадьевич в одном из интервью. – Я просто работал».

Он писал свои невероятные цветы, ни на что не похожие пейзажи, портреты, картины на библейские темы. От его холстов шла какая-то мощь, энергетика, как сказали бы сегодня. Но не меньше, чем работы, притягивал к себе людей и он сам.

В его большой мастерской в центре Красноярска все время собирались актеры, художники, писатели. Там бывали Александр Панкратов-Черный, Евгений Попов, Кама Гинкас. Андрей Геннадьевич обожал интересных людей. И те, кого он дарил радостью встреч, не могли не восхищаться им.

Николай Ткаченко со своей картиной «Памяти Поздеева».

Он любил показывать картины и превращал это действие в целый спектакль. Пока позволяло здоровье – ездил в Москву и Питер, чтобы побывать в главных музеях страны. Последний такой выезд состоялся в 1981 г. – Поздеев никак не мог пропустить выставку «Москва–Париж». Однако спустя двенадцать лет он попал в больницу и не сумел присутствовать на открытии своей выставки в Центральном Доме художника: подвело сердце.

И все-таки ему повезло. За восемь лет до смерти, в августе 1990 г., в мастерскую к Поздееву зашел Николай Ткаченко, готовивший создание галереи российского искусства на Хоккайдо и отбиравший картины сибирских художников. Встреча эта определила судьбы обоих.

«Трудно говорить о первом впечатлении, но испытанное ощущение можно сравнить с состоянием путника, перед которым в пустыне неожиданно возник оазис», – писал Николай впоследствии в статье «Знаки судьбы», завершившей третий том почти вручную подготовленного им издания «Мир Андрея Поздеева». Статье, ставшей завещанием Николая Григорьевича Ткаченко.

Он родился в полтавской деревне, в семье столярных дел мастера, к которому за помощью обращалась вся округа. От отца унаследовал удивительную порядочность и необычайно ответственное, какое-то самосжигающее отношение к труду. Еще сохранял, при всем своем умении пробивать самые невероятные проекты и замыслы, детскую мечтательность. И был, невзирая на свое знание и понимание жизни, очень раним.

Те, кто рос рядом с Николаем, вспоминают: в детстве он все время что-то мастерил и изобретал. Потом, после армии, поступил в Институт стран Азии и Африки, изучил японский, стал бывать за границей тогда, когда другим это и не снилось. Семья, жена Вера, неизменная опора во всех его начинаниях, двое сыновей. Живи да радуйся.

Но он был совершенно другим. Сам придумывал себе почти непреодолимые препятствия и их преодолевал. Писал картины, стал членом Союза художников, создал целый цикл медалей. Организовал в Японии выставки российских художников и гастроли нашего балета. И кто знает, что еще придумал бы и сотворил, если б не заворожил его сразу, с первого взгляда на полотна, талант Андрея Поздеева.

Наверное, они не могли не сойтись. Оба были художниками, оба выросли вне столиц и познали своей кожей жизнь такую, как она есть, – грубую, жестокую и все-таки прекрасную. Оба ненавидели агрессивное хамство и серую посредственность, правившие тогда бал в России. Оба были очень щедрыми людьми, всегда первыми приходившими на помощь.

И еще оба были очень тщательны в работе. Андрей Геннадьевич долго грунтовал холсты, готовил краски. Готовясь к выставкам или показам, вникал буквально во все. И то же можно сказать о Николае Ткаченко. Сам делал рамы для картин, упаковывал их, следил за развеской. А как он готовил альбомы! В своей мастерской в Лопухинском переулке раскладывал по полу бесчисленное количество фотографий и слайдов, иногда до утра раздумывая, что за чем в какой последовательности должно быть опубликовано. Статьи заказывал лучшим искусствоведам, которые не могли не откликнуться на его просьбы.

Казалось, что он вообще не умеет отдыхать. Зная «одну, но пламенную страсть» – достойно представить наследие Поздеева, Ткаченко никак не мог вырвать времени для собственного творчества. Ему было всего пятьдесят один, когда он ушел из жизни.

«Хоронят деда Данилу. Мне очень жаль деда. Он и не хворал, а просто пришел с базара домой, лег на свою деревянную кровать и помер», – вспоминал Андрей Геннадьевич свое детство. Записью этого рассказа открывается последний том «Мира Андрея Поздеева». Так и Николай Григорьевич. Он просто немного остановился, чтобы наконец отдохнуть. ■